

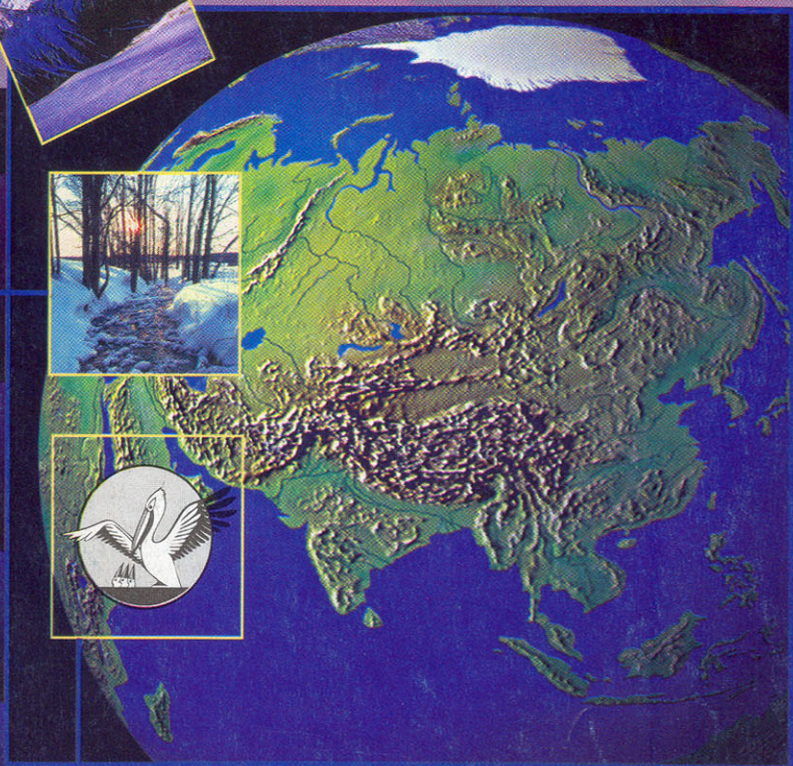
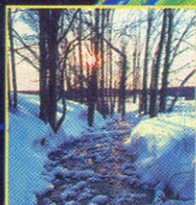
ISSN 0016-7207

научно-методический журнал

1
2000

География

в школе

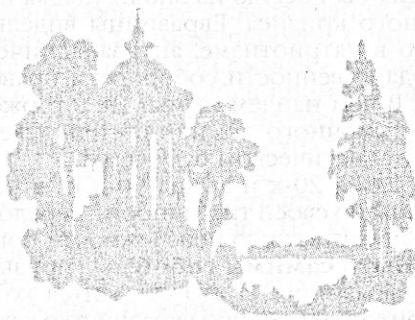
Географическая
судьба России

Евразийство:
современность концепции

Учитель года России – 99

«Географическая судьба» России

В.А. Дергачев, ДОКТОР ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАУК, ИНСТИТУТ ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРОФЕССОРА ДЕРГАЧЕВА, ОДЕССА

*Лойми простой уток моей земли:
Как Греция и Тения прошли,
Так минет все — Европа и Россия.
Гражданских смут горючая стихия
Развевается... Расставит новый век
В житейских заворах иные артежи...
Ветшают дни, проходит головок,
Но небо и земля — извечно те же.
М. Волошин*

В судьбе России «фактор географии» пронизывает ее протяженностью пространства и ширью духовных устремлений. География играла роль своеобразного индикатора русской культуры, где Восток и Запад определяли пути развития через конфликт этих начал. Выдающийся русский ученый Ю. Лотман [7] сформулировал представления о месторазвитии культуры в многомерном (геополитическом, мифологическом, религиозном и др.) пространстве, которое задает ее «географическую судьбу». Он обратил внимание на смену моделей культурно-государственного обустройства России. Если центристская модель была в основе Московского государства после падения Золотой Орды, то «эксцентризизм» стал фундаментом Российской империи с противопоставлением «западного» Петербурга «восточной» Москве. Согласно центристской модели, Москва расположена на полюсе религиозной и культурной ойкумены, мировой революции и всемирной святости, является столицей России, пяти морей, освоения Космоса, Арктики и т.д. В эксцентрированной культурно-государственной модели центр переносится в пограничье.

За этими двумя коренными моделями скрываются такие противопоставления, как древнее/новое, исконное/чужеродное. Отсюда — одновременная неопределенность прошлого и будущего современной России, где настоящее не отделилось еще в законченные формы. Символы «Восток» и

«Запад» властвуют в географии России обуславливая традиционный интерес к чужому как метод самопознания. От заимствования чужих идей, превращенных в другом социокультурном пространстве в догму, остаются развалины, на которых воздвигается очередной храм идей.

Многомерное пространство

Коммуникационную природу географического пространства не всегда представляется возможным обозначить в заданных конвенциональных границах. Следует обратить внимание хотя бы на условность границы Европы и Азии, проходящей через территорию России. Здесь отчетливо прослеживается тенденция смещения европейской границы на восток. Если в XV в. Московская Русь (Великая Татария) находилась вне Европы, то в XVII в. граница Европы проходила по Волге, а в XVIII в. сместилась на Урал. В конце XX столетия уже говорят о «Европейском доме» от Лондона до Владивостока. В российской истории неоднократно происходило размывание всех и всяческих границ.

И в самом деле, в реальном мире поля природных, политических, экономических, социокультурных и информационных коммуникаций не совпадают в географическом пространстве и, накладываясь друг на друга, образуют маргинальные зоны, обладающие энергетикой интенсивных взаимодействий. При этом следует

учитывать, что рубежная коммуникативность не только имеет географическую интерпретацию, но и проходит через эмоциональную сферу — «ландшафты души» человека. Таким образом формируется многомерное пространство, коммуникационная природа которого двояка. Его рубежность может служить стратегическим ресурсом социально-экономического развития и духовного возрождения или, в условиях утраты контактных функций, превратиться в непосильное бремя для страны. Тогда коммуникационная природа пространства разрушается, а государство распадается.

Обратим внимание на культурологические отличия формирования российского многомерного коммуникационного пространства от Запада и Востока. Духовная родина России — расположенная за пределами ее месторазвития Византия, а исторический «плавающий котел» — рубежи леса и степи Европы и Азии. С севера пришли варяги-«управленцы», а с юга — вера от греков и славянский алфавит. Славянское мышление формировалось под влиянием Византии, где доминировала философия Платона, открывшего мир идей. Россия — идеократическое государство с приоритетом духовных целей — самоотверженного служения идее, поиска высших нравственных ценностей — правды как идеала, справедливости и равенства. Для восточных славян характерно рубежное тактическое мышление.

В Западной Европе открытость к внешнему миру и колонизация заморских земель стали стратегическим ресурсом становления атлантической цивилизации. Для Китая — Великого океана людей — наиболее характерным явилось сочетание двух взаимоисключающих начал — открытости к внешнему миру и изоляционизма в целях сохранения государства-цивилизации. Россия есть Великий океан евразийского пространства, объединенного общей судьбой народов и коммуникационной природой рубежного суперэтнуса.

Киевская Русь, а в последствии Россия и Украина — восточные пограничники Европы. Здесь сформировался особый субэтнос казаков — людей границы, покоривших Сибирь, вышедших к Тихому океану и создавших славянские форпосты на берегах Великого евразийского степного океана. Что там, за горизонтом, интересовало больше, чем обустройство собственного дома: колонизация Сибири и Аляски, Кав-

каза и Центральной Азии; освоение Арктики, Мирового океана и Космоса.

Броски за горизонт закончились продажей Русской Америки, падением Порт-Артура, а ныне распадом СССР и появлением огромного русского зарубежья, потерей геополитического влияния на Балканах, Ближнем Востоке и в Центральной Азии. Из века в век Россия стремилась навести порядок в чужом доме, за это она заплатила огромными материальными ресурсами и миллионами жизней, унесенных ураганом многочисленных войн. XX в. начался с маленькой «победоносной» войны на Востоке, ускорившей падение Российской империи и восхождение на мировую арену Японии. Как отметил однажды в беседе с автором Л.Н. Гумилев, самая великая заслуга России — она не поддавалась соблазну покорения Китая, что неизбежно привело бы к ассимиляции русских в Великом океане-цивилизации.

Тысячелетний бросок на юг, заботы о будущем христианского храма Св.Софии в Константинополе сменились осквернением православных святынь на родной земле. Победа во второй мировой войне привела к созданию социалистического лагеря. Век завершается сокрушительным поражением «второго мира» в «холодной войне» с Западом и «победоносной» акцией России на Кавказе. И как итог уходящего столетия — отсутствие стратегического видения, «беспочвенность» власти, провал исторической памяти, в том числе забвение уроков восточной политики и великих российских реформ.

Обратимся к современной конфликтной структуре российского многомерно-коммуникационного пространства. Как нам представляется, главная его особенность — сосуществование России как евразийского государства и как евразийского суперэтнуса, границы которых не совпадают и образуют потенциальную зону энергетики интенсивных коммуникационных взаимодействий. Российское государство и суперэтнос расположены между тремя цивилизациями — западноевропейской, мусульманской и китайской, на рубежах христианского, мусульманского (исламского) и буддийского миров, между тремя полюсами экономического и технологического развития в Западной Европе, Азиатско-Тихоокеанском регионе и Северной Америке, между тремя океанами — Атлантическим, Тихим и Северным Ледовитым.

Россия объединила народы евразийского пространства, цивилизационную инфраструктуру которого обеспечила идеократическая державность. Самое крупное территориальное государство мира обязано быть сильным и централизованным. И.А. Ильин [6] обращал внимание на посреднические функции России между народами и культурами. Дробление этого исторического оплота евразийского геополитического равновесия на части во имя каких бы то ни было «свобод» или «демократий» он считал политической авантюрой, началом конца европейской христианской цивилизации и превращения России в гигантские «Балканы», в вечный источник войн и великих смут.

Россия, как витязь на распутье, столетиями мучительно искала ответ на вопрос: каким идти путем — на Запад или Восток? Если Киевская Русь была консолидирована вдоль оси Север–Юг на торговом пути «из варяг в греки», то Московская Русь — открыта к Востоку (Золотой Орде) и боролась против вызова Запада — тевтонских рыцарей. За последние триста лет неоднократно предпринимались попытки «прорубить окно в Европу», каждый раз ставя российские народы «на дыбы». В постсоветской России вновь мечты, теперь уже о западной демократии и свободном предпринимательстве или об образе России как государстве-цивилизации с самоидентификацией, исходящей из особенностей только русской ментальности, культуры и православия.

Как новая фаза идеократического подъема в современной России рассматривается тема евразийства. Евразийский соблазн, рожденный крахом белого движения и безысходностью русской эмиграции, трансформировавшихся в идеологию «православных большевиков», в конце века возродился на развалинах красной империи и используется в борьбе за власть.

Создатели евразийства Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Г.В. Вернадский и другие интерпретировали прошлое России как историю борьбы между «лесом» (оседлыми славянами лесной зоны) и «степью» (урало-алтайскими степными кочевниками). В монгольский период «степь» победила «лес», а в середине XV в. Московия взяла реванш, создав на развалинах Золотой Орды Московское государство, являющееся наследницей империи Чингисхана, а не Киевской Руси. Таким образом, как духовные (Византия), так и исторические

источники становления Московского государства оказались внешними — социокультурные рубежи славянского и татаро-монгольского миров. В работе Г.В. Вернадского «Начертания русской истории» определяется процесс создания России-Евразии как целостного месторазвития евразийского культурно-исторического типа.

Великая Евразийская степь трижды объединялась Тюркской, Монгольской и Российской империями, и каждый раз утрата рубежных коммуникационных функций (транзитная торговля и др.) приводила к гибели империй.

Сколько ни противоречивы были отдельные положения истинных евразийцев, заканчивая Л.Н. Гумилевым, их учение наполнено движением мысли, способствующим рождению нового знания. Что, увы, нельзя сказать о многих современных публикациях, построенных на критике или отрицании евразийства, с характерным движением слов и отсутствием мыслей.

В евразийском пространстве формировался менталитет русского народа. Географию русской души исключительно тонко подметил Н.А. Бердяев: «Русская душа ушиблена ширью, она не видит границ, и эта безграничность не освобождает, а поработает ее» [2]. Духовная энергия русского человека вошла внутрь, в созерцание, в душевность. В гоголевском образе русского пространства «летит вся дорога невесты куда в пропадающую даль, и что-то страшное заключено в сем быстром мельканье, где не успевает означиться пропадающий предмет». Происходит разрушение статических границ между явлениями [1]. Полярность ментальности отмечается в таких антиподах, как смирение и бунт, разгул и способность собираться в кулак в экстремальных ситуациях, сострадательность и жестокость, мания догоняющего и мания величия, любовь к свободе и склонность к рабству.

Ныне существует несколько геополитических разновидностей евразийства: Россия-Европа как держатель хартленда, «Евразийский конфедеративный союз», «евразийский остров», «евразийский мир» с осью Германия – Россия – Китай. Кроме того, великорусско-имперская разновидность евразийства стремится вернуть утраченный статус мировой державы, выступает против создания правового демократического государства, рассматривая мир как арену борьбы морских «атлантистов» (англосаксов) и континентальных евра-

зийцев, представленных Россией и романо-германцами.

Притяжение Европой

В многомерном коммуникационном пространстве современного мира стратифицировалось несколько образов Европы. Большую Европу можно рассматривать в широком смысле от Лондона до Владивостока и от Нью-Йорка до Сан-Франциско. Большая Европа делится на западноевропейскую цивилизацию (Запад), или «европейскую семью», «общеевропейский дом», и центрально-восточноевропейские страны и Россию, или Европу.

В свою очередь, различается атлантический, или англо-американский, и континентально-европейский, или романо-германский, Запад. Атлантическая модель берет начало от американской революции, выступавшей за освобождение гражданского общества из-под опеки государства. Французская революция, предвестница большевистской, отличалась противоположной направленностью — как процесс завоевания революционным государством «косного» гражданского общества. Именно атлантическая модель ныне положена в основу формирования единой Европы. После второй мировой войны американская идея восторжествовала в Западной Европе и стала основой социокультурной стратегии. Идея «атлантического» федерализма заключается в объединении не национальных государств, а гражданских обществ. Здесь приоритет отдается регионализму, организованному на наднациональной основе. Ныне в Западной Европе усиливаются тенденции к интеграции по формуле «Европа регионов». Атлантическая модель вновь продемонстрировала роль пограничного опыта в становлении цивилизации. Только теперь в Западной Европе укореняются идеи из Нового Света.

Рассмотрим особенности рубежной коммуникативности многомерного европейского пространства. Большая Европа распространилась симметрично преимущественно в природном поясе умеренных широт, аналогичных этническому месторазвитию. На ее западных и восточных рубежах расположены англо-американский и российский евразийский суперэтносы, ставшие основой биполярного мира второй половины XX в.

На рубежах Старого и Нового Света, Запада и Востока, Европы и Америки, Ев-

ропы и Азии идет непрерывный культурный диалог, поиск моделей комплиментарного развития. Англо-американский мир создал эксцентрированную североатлантическую модель по обе стороны океана, где основал мощный форпост западноевропейской цивилизации. Ныне Калифорния по масштабам экономического развития сопоставима с наиболее высокоразвитыми странами мира. Таким образом, в Новом Свете была создана биполярная система по обе стороны североамериканских прерий и на берегах двух океанов, что способствовало хозяйственному освоению территории страны и послужило трамплином для выхода в Азиатско-Тихоокеанский регион.

На востоке Европы православно-христианский мир во главе с Россией покорил огромные пространства сибирской тайги, создав на западных и восточных «берегах» евразийской степи-океана форпосты на суперэтнических рубежах — Одессу, Владивосток, Харбин и др. Была основана Русская Америка, однако из-за удаленности и отсутствия мощного экономического форпоста на русском Дальнем Востоке северо-тихоокеанская система не сложилась. События XX в. приостановили формирование комплементарной, открытой к внешнему миру российской экономики на берегах Тихого океана и рубежах китайской цивилизации. Русскоязычный Харбин был утрачен преимущественно «руками» Советской России. После второй мировой войны с непродолжительным периодом, характеризующемся как «русский с китайцем братья навек», реального братания все же не получилось. И дело не только в симпатиях или антипатиях политических лидеров. То, что Россия могла предложить в начале века — материально-практические достижения европейской цивилизации, — в конце века осуществила западноевропейская цивилизация в более качественной упаковке.

В конце XX в. стала складываться модель комплиментарного развития на рубежах Азиатско-Тихоокеанского региона и западноевропейского, преимущественно англо-американского мира, его материально-практических достижений. Великобритания и Китай продемонстрировали это на примере Гонконга, а США — через Японию, Тайвань, Южную Корею и, как оказалось, неудачную попытку в Китае, Северной Корее и Северном Вьетнаме. Но поезд прогресса ушел. Восток повернулся лицом к Западу.

Русский форпост на Дальнем Востоке, превращенный за «железным занавесом» преимущественно в военно-морскую крепость, оказался изолированным от внешнего мира и не смог стать одним из полюсов биполярной системы освоения Сибири. Это послужило одной из причин утраты и большинства пространств евразийской степи-океана. Ныне российский Дальний Восток оказался еще более экономически удаленным от европейской территории страны.

Северная Атлантика, исторически разъединяющая Старый и Новый Свет, ныне стала очередным коммуникационным хребтом западноевропейской цивилизации. Однако сама христианская Европа расколота на два мира — западнохристианский и восточнохристианский, или православный. Если после открытия Америки удалось интегрировать часть ее в новом качестве в западноевропейское социокультурное пространство, то преодолеть невидимый европейский рубеж, проходящий через души людей, оказалось намного труднее.

Но и в географическом пространстве кроме общепризнанной конвенциональной, смещающейся во времени на восток границы Европы и Азии от Атлантики до Тихого океана протянулась Евразийская маргинальная зона (ЕВРАМАР), где стратифицировались природные (климатические, атмосферные, литосферные, биосферные), геополитические, конфессиональные, экономические, этнические, культурные и другие рубежи. Климатические фронты разграничивают внутренний евразийский континент с сильными и продолжительными морозами и европейские территории с положительными температурами (нулевой изотермой января).

Геополитические рубежи ЕВРАМАРА неоднократно приходили в движение, вызовы вражды сменялись поиском комплиментарных отношений и наоборот. В Европе эта барьерная и контактная зона цивилизованного мира и варваров проходила первоначально по рейнским и дунайским рубежам Римской империи. Римские форпосты — Константинополь и Вена — стали соответственно столицами евразийской Византии и европейской Австро-Венгрии.

Барьерные функции геополитических и социокультурных рубежей приводили к междоусобицам, кровавым этнонациональным и этноконфессиональным войнам. Противостояние Запада и Востока

нашло отражение в «восточном вопросе» и проблеме черноморских проливов. В XX в ЕВРАМАР был эпицентром двух мировых войн, унесших жизни 60 млн. человек — больше, чем за все предшествующие военные конфликты человечества. Но на рубежах вражды и мира была создана комплиментарная модель рубежного государства где социокультурные рубежи стали стратегическим ресурсом социально-экономического развития, обеспечившего достойное человека качество жизни.

«Плавильный котел» в Европе смещается от коммуникационной оси Рейн — Дунай на Восток. Наблюдается восточный дрейф восточноевропейских государств к Западу, однако социокультурное сближение невозможно без консолидации в духовном пространстве, длительного цивилизационного диалога между «культурой разума» (бесчеловечных холодных рассуждений) и «культурой сердца», наполненной славянским общечеловеческим содержанием. Поспешная интеграция может подвергнуть разрушению сами основы западноевропейских ценностей в православном мире. Это суверенность разума, бесконечная ценность личности и учение о свободе. Путь к процветанию России проходит не через слепое заимствование евроамериканских стандартов жизни, а через просвещение и духовное возрождение.

Образ будущего

Рубежность многомерного коммуникационного пространства является стратегическим ресурсом социально-экономического развития России и политической стабильности в Евразии. Современному вызову Запада, Юга и Востока Россия может ответить умением сосредоточиться на использовании высококой энергетики «пограничных состояний».

В мифологическом хаосе расколотого пространства-времени нарушены межличностные и материальные коммуникации среди которых особенно опасна утрата коммуникативной способности русского языка. Отсутствие диалога между говорящим истину транслятором, владеющим знанием, и умеющим слушать рецептором приведет к расколу российского многомерного коммуникационного пространства. В отличие от государства, колонизирующего земли, главный ресурс русского суперэтнуса, его величайшее завоевание и главный энергоноситель — откры-

тая к внешнему миру русская культура. Сохранение русской культуры и языка в качестве транслятора межкультурного диалога будет способствовать преодолению конфликтной структуры многомерного коммуникационного постсоветского пространства.

Россия — единственная страна от Атлантики до Тихого океана, через которую могут пройти коммуникации между тремя мировыми полюсами экономического и технологического развития в Западной Европе, Восточной Азии и Северной Америке. На пересечении этих транспортных коридоров XXI в. на Дальнем Востоке, в Китае, сформируется крупнейший мировой коммуникационный узел. Будущее России будет определяться возможностью организации и обустройства евразийского пространства. Евразийский, как и любой другой «мост» будет жизнеспособным, если у него есть опоры. Только реальный сдвиг на Восток приведет к возрождению евразийских коммуникаций «от моря и до моря», между атлантической и восточными цивилизациями. Создание эксцентрированной геоэкономической модели является стратегической задачей формирования российского многомерного коммуникационного пространства, способствующего диалогу Запада и Востока. Если в политическом пространстве самой протяженной страны мира должен быть сильный центр, то в геоэкономическом пространстве — развитые полюса технологического развития с преференциальным режимом свободной торговли в пограничье.

Необходимо возродить евразийскую экономическую программу Российской империи, в которой особая роль отводилась созданию торгового моста между Западом и Востоком. Не случайно в противовес старой российской столице — Москве за относительно короткий срок наиболее крупными торговыми и экономическими центрами стали расположенные на внешней границе с Западом и Востоком новая столица Санкт-Петербург, Одесса и Харбин, Астрахань и Владивосток. В конце XX в. с учетом геополитических реалий и открытости к внешнему миру особое значение для России приобретает формирование эксцентрированного экономического пространства с установлением льготного режима свободных зон в основных коммуникационных узлах в пограничье, реально способствующих реализации

стратегических целей по ускорению оборачиваемости капитала и усилению транзитных функций государства.

Евразийский проект будущего России (в англоязычном варианте — ЕВРАГЕЙТ) основан на идее о создании многомерного коммуникационного пространства, где страна выступает в первую очередь транслятором культурного диалога между Западом и Востоком. Используя уникальный цивилизационный опыт объединения евразийского пространства, Россия может занять достойное место в мире. Цивилизационный факел просвещения, который столетиями с достоинством несла Россия в Евразии, должен зажечь новую формационную идею, дающую веру в будущее. Здесь возможен компромисс между «соборным» коллективизмом и энергией индивидуализма личности, объединенных общей «географической судьбой» обустройства евразийского многомерного коммуникационного пространства.

Таким образом, модернизированная концепция евразийства, основанная на рубежной коммуникативности российского суперэтнуса, социокультурных и геоэкономических функций многомерного пространства будет способствовать достижению баланса во внешней политике между Востоком и Западом, Севером и Югом при доминирующей роли России.

Могущество России будет прирастать прежде всего способностью возродить рубежную коммуникативность евразийского пространства на основе человеческой энергии (пассионарности).

Если в прошлом выделялась рубежная коммуникативность с повышенной пассионарной энергетикой столиц и пограничья, то в постсоветском пространстве русское зарубежье стало новым полюсом пассионарности наряду с внешними источниками духовности и историческими рубежами становления России. Внешний и внутренний полюсы пассионарности создают энергетику высоких интенсивных взаимодействий, эмоционально-ценностного мышления через страстную ностальгию. Для реализации Евразийского проекта нужны общественное согласие, стратегическое видение и политическая воля.

К каким бы горизонтам ни устремлялся человек, отчизна берет начало с малой родины. На бескрайних российских просторах этот образ формирует и учитель географии. В трудное время, когда государство не может создать условия жизни, до-

стойные человека, учитель ведет своих учеников по параллелям и меридианам Великих географических открытий. В школе входящий в мир человек совершает открытие малой родины, с которой начинается складываться не только его судьба, но и судьба страны. Россия XXI в. может стать страной, возрожденной «ширью».

===== ЛИТЕРАТУРА =====

1. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
2. Бердяев Н.А. Судьба России (1918). М.: Изд-во МГУ, 1990. 256 с.
3. Гумилев Л.Н. От Руси к России: очерки этнической истории. М.: Экспрос; Прогресс, 1992. 335 с.
4. Дергачев В.А. Раскаленные рубежи: очерки

маргинальной коммуникативности//Под ред. А.И.Уемова. Одесса: Астропринт, 1998. 104 с.

5. Дергачев В.А. Страна вечной беременности: российское многомерное коммуникационное пространство//Родина. 1999. № 1. С.19–24.

6. Ильин И. Что сулит миру расчленение России//Русский рубеж. М.: Художественная литература, 1991. С.5–18.

7. Лотман Ю.М. Современность между Востоком и Западом// Знамя. 1997. №9. С.157–162.

8. Моисеев Н.Н. Как далеко до завтрашнего дня. М.: Аст-пресс, 1994.

9. Панарин А.С. Россия в Евразии: геополитические вызовы и цивилизационные ответы// Вопросы философии. 1994. №12. С.19–31.

10. Семенникова П. Феномен России//Наука и жизнь. 1996. № 11. С.40–47.

11. Чаадаев П.Я. Избранные сочинения и письма. М.: Правда. 1991. 560 с.